

Вуоснайоки

НОВОГОДНИЙ ДЕТЕКТИВ

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин

Вуоснайоки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бородкин А. П.

Вуоснайоки / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Норвежское море. Зима. Траулер ловит рыбу. Суровый Новый год. 31 декабря случается серьёзная неприятность – гибнет штурман судна. Несчастный случай оказывается убийством. Есть два десятка свидетелей, но нет ответа на главный вопрос: зачем убивать Деда Мороза? P.S. Рассказ рекомендован ценителям классического детектива. А также любителям достоверных жизненных историй.

Зимой на севере темнеет рано – так мне хочется начать свой рассказ, – а в Норвежском море особенно.

Ночь наступает медленно, кажется с самого утра. А если случается шторм, вода и воздух перемешиваются в единый мутную сукровицу (сравнение боцмана Коломина), и определить, что светило взошло возможно только по судовым часам.

Траулер с невыносимо-красивым именем "Вуоснайоки" вышел на трассу и приготовился к ловле палтуса. Был конец ноября.

Мастер добычи рыбы Петренко смотрел, как уходит в море трал и тихонько мелодично матерился. Его оранжевый сферический шлем казался забытой на грядке тыквой. Матерился Петренко не из-за рыбы. "Рыба – говно, – говорил он. – Оно всегда плавает". Мастер добычи (на языке рыбаков – майор) переживал за оборудование. Трал, лебёдки, ваера, стропы. Петренко не доверял предыдущему экипажу и успокаивался только после первой рыбалки.

Трал ушел в море. Матрос палубной команды Рохчин закурил. Ломая на ветру спички и заслоняясь от ветра плечом в оранжевой робе.

– У механиков новенькие, – язвительно произнёс он, ни к кому конкретно не обращаясь. На палубе стояли трое: майор Петренко, Рохчин и ещё один палубный матрос. Все в одинаковых робах, резиновых сапогах и касках.

– Два дагестанца, – продолжил Рохчин. – По-русски паршиво соображают. Как инопланетяне.

Петренко бросил косой взгляд, но ничего не сказал. Рохчин носил на судне кличку Каро. Когда в первый раз он писал заявление, адресовал его "капитану каробля". Девчонки-кадровички смеялись и показали бумагу капитану Кандыбе. Капитан поделился с комсоставом.

– Каро-бля, каро-бля... – пробурчал Петренко, педалируя на второй слог и ответил, что на фабрике тоже изменилась бригада. Трое новых рабочих. Майор кратко обозначил их трудовые достоинства: бывшие зэки.

2-матрос (по левому борту) помалкивал. Он вообще предпочитал молчать, за что снискал уважение экипажа. Молчал он не из-за скудности словарного запаса, а из-за его специфики и народной глубины. Кроме того матрос Филипенко замечательно играл на гитаре.

Из динамика полилась музыка. В ней не сразу опозналось "Прощание славянки". На палубу спустился штурман. Высокий и худой, с усиками над верхней губой он напоминал поэта-разночинца. И фамилия была подходящей – Гусев. Штурман спросил, как настроение. Он недавно (в третий раз) ходил в составе экипажа, и считался молодым рыбаком. (Что соответствовало действительности.)

– Как море, товарищи? Поделится рыбой, как считаете?

Фраза получилась пафосной и матросы это незамедлительно почувствовали. Майор снисходительно улыбнулся, 2-матрос Филипенко не удержался и ответил, что море, как б...ща, даст каждому. Если попросить настойчиво.

– Я вот в своей каюте, – обратился Рохчин, – под койкой обнаружил нераспечатанную пачку презервативов. – Рохчин поднял указательный палец, как будто именно обстоятельство, что пачка не распечатана, меняло многое. – Это что? Как на этот факт отреагирует руководство?

Штурман слегка смутился, кончики его ушей порозовели. Сказал, что в предыдущем экипаже тоже люди.

– Им тоже секс... – штурман запнулся, – не чужд. В некотором роде.

Несколько минут поговорили о нюансах половой жизни в период длительной автономной ловли. Эта тема считалась у рыбаков щепетильной и полужакрытой.

Майор Петренко спросил о дагестанцах.

– А что вас удивляет, Николай Андреевич? – штурман пожал плечами. – Они замечательные работники... насколько я знаю. Набожные. Не пьют.

– Ну, это спорно, – влез Рохчин. – Бывают разные варианты. И потом, как вы связали производительность труда и алкоголь? В некоторых случаях это вещи прямо противоположные.

Экипаж траулера "Вуоснайоки" зиждился на трёх основных устоях. На трёх "китах", как говорили в команде.

Железная дисциплина – это первое. За дисциплиной следил капитан Кандыба. Поговаривали, что когда-то (в социалистической юности) он служил в ВОХРе. Оттуда набрался манер и привычек. Опровергнуть подобную гипотезу было невозможно. Но и поддержать трудно. В её достоверность указывала только маниакальная привязанность капитана к крепкому чаю. "Чифирь гоняет!" – говорил кок, заваривая напиток.

Вторым "китом" была систематическая борьба с водкой. Этим занимался судовой врач Омерман. Он лично шмонал команду, когда рыбаки всходили на борт.

Нельзя утверждать, что на траулере не пили – это было бы абсурдом. Однако этот бизнес (говоря современным языком) "держал" лично доктор Омерман. Капитан смотрел на это сквозь пальцы. Док установил для каждого моряка медицинскую норму и никогда её не превышал. Иными словами, "кит" номер два не вредил "киту" номер один.

Третьим (моральным) устоем для экипажа являлся старший помощник капитана Блюхер. Кроме зычной революционной фамилии, старпом имел густой баритональный тенор; кончил два курса в театральном институте и устраивал "градообразующие мероприятия" – так называлось среди моряков его начинания. Эрнест Блюхер собрал группу энтузиастов и обучал их игре на трубе. Кроме того на траулере существовал и функционировал просветительский кружок, под руководством старпома. В свободное время моряки смотрели диафильмы, а в предпоследнем рейсе даже изучали строение машины (машинного отделения) и дизельных двигателей. В разрезе и не практике.

"Накой мне это надо? – возражал матрос Филипенко. – Пускай "машина" учится тралить". На что получил ответ, что может продолжать вязать мочалки. (Плетение мочалок считалось самым унылым времяпровождением.)

"Или на гитаре потренькай!" – обидно предложил Рохчин.

Отказников было не много. Блюхер умел поднять коллектив "в культурную атаку".

Подошло время выбирать трал. Мастер добычи Петренко протяжно оглянулся на надстройку. Лебёдчик находился на своём месте. Его округлая физиономия виднелась за запотевшим стеклом. Они вместе рыбачили много лет, но только теперь Петренко сообразил, что лицо лебёдчика Фурзиева похоже на шар для боулинга. Круглое сытое и с маленькими глазками-отверстиями для пальцев.

Лебёдчик поднял большой палец. Ладонью показал: "Не бзди! Всё сделаю культурно!" Медленно и мощно закрутились маховики лебёдок.

Трал вышел легко и без задоринки. Принёс немного. Но и не мало. Средне. Майор выдохнул с облегчением, и понял, что палтус будет. И будет заработок. Вот уже несколько лет Петренко страстно мечтал купить теще отдельную квартиру. (Оформить её на себя.) И отселить старуху подальше, если получится, в другой город. Тёща майора Петренко имела тяжёлый характер. Но очень хорошо готовила. Время от времени, засыпая, Петренко воображал, что теща и жена, как бы... объединяются в однородную фигуру. Получается дева с лёгким характером супруги и практическими качествами тещи.

Сон неизменно оканчивался кошмаром. Они занимались любовью и, в момент наивысшего наслаждения, жена исчезала, оставалась только теща.

Короткие северные дни сменялись длинными ночами. Вахта, неизменной чередой, следовала за вахтой, будто вращалось колесо сансары. Трал уходил в море и возвращался, волоча по слипу чёрную скользкую рыбу.

– Эрнест Евгеньевич! – окликнул капитан. – Зайдите ко мне.

Блюхер вошел в каюту капитана. Внимательно закрыл за собой дверь. На старпоме был плотный шерстяной свитер под горло. Якутские кожаные унты и морская мягкая кепка. В зубах он держал трубку. Курить Блюхер не любил, но трубка замечательно дополняла образ. Эрнест Хемингуэй на флоте.

Старпом сказал:

– Слушаю.

Капитану хотелось спросить за унты (они появились на старпоме недавно), но это было неудобно. И капитан перешел к делу.

– Лов идёт решительно хорошо...

Капитан поднёс к кончику сигары зажигалку. Он терпеть не мог сигар, но в присутствии щеголеватого помощника считал уместным курить только их.

– Вы и сами знаете. Девяносто пять тонн взяли в ноябре. И в этом месяце...

– Без ста килограмм сто пятьдесят тонн! – деловито дополнил Блюхер. – Итого.

Старпом рапортовал, напряженившись в струну. Потом, будто обессилив, обмяк и спросил, зачем капитан его вызвал: – Вас что-то беспокоит, Аркадий Ильич?

В этом панибратском вопросе уместилось многое: бесконечные рейсы, трудные вахты, почитание, граничащее с поклонением, уважение и желание помочь. Прийти на выручку в трудную минуту.

– В долговременном плане, – заговорил капитан, – мы не должны выпускать из виду...

Старпом оглядел каюту капитана. Он бывал здесь сотни раз, и всё одно изумлялся её наполнению. Над столом висел портрет Дзержинского. В академической манере: борода-кожаный пиджак-стальные дужки очков. Рядом расположилось изображение... Блюхер не сразу сообразил, что это кто-то из великих композиторов. С изображения начисто были срезаны букли парика, а само лицо пристроено – весьма щепетильно и аккуратно – к другой, пышной седой шевелюре.

– Я уверен, что мы должны поощрить экипаж, – закончил капитан. Опустил в пепельницу погасшую сигару. – Не могу сказать, что работники фабрики... я говорю о бывших зэках, проявили себя с лучшей стороны. Но механики-дагестанцы мне решительно понравились! Деловитые, собранные, немногословные. Есть чему поучиться. И нам следует поощрить... в том смысле, чтобы сплотить коллектив... – Капитан сделала движение ладонями, как будто слепил снежок. – Какие будут предложения?

Старпом Блюхер сдержано согласился, что улов в этом рейсе действительно выше средне-статистического. Сказал, что коллектив нуждается в неусыпной заботе. Отметил лично капитана Кандыбу в этом стремлении. Наконец признался, что подготовил для встречи Нового года пьесу.

– Пьесу? – В голосе капитана мелькнули сомнения. – А это, Эрнест Евгеньевич, не слишком... того? Не слишком решительно?

– А кого нам бояться? – резонно возразил Блюхер. – Станем действовать революционно: не можешь – научим. Не хочешь – заставим.

– Это верно, – произнёс капитан.

Потом опять засомневался.

– Я всячески поощряю ваши начинания, Эрнест Евгеньевич, но...

– Вы посмотрите, насколько пьеса идейно-наполнена! – сказал старпом. – Не подумайте, что это будет феерия или массовая буффонада. Эта небольшая камерная пьеса. Скетч.

Последнее непонятное слово не понравилось капитану, однако он не возразил.

– О чём? В двух словах, – попросил. – В тезисах.

Старпом Блюхер повторил, что пьеса идейно-выдержанная. Что центральную партию страны и правительство она не критикует. (И даже напротив.) Ещё сообщил, что главных героев в пьесе пятеро.

– Очень хорошо! – вырвалось у капитана.

– Основное действующее лицо – Дед Мороз. Без него, к сожалению, никак.

– Это не страшно. Новый Год это такой праздник, на который мы решительно не имеем возможности повлиять.

– Естественно Снегурочка.

Снегурочка тоже не вызвала возражений. К концу рейса пекариха Тамара (единственная женщина на судне) становилась объектом излишнего мужского внимания. А потому её лучше было нейтрализовать, переместив из зрительного зала на подмости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.